

Полина Светлова

Пудовиковы
и Оранжерея
Капризных
Облаков

Книга 4

Полина Светлова

**Пудовиковы и Оранжерея
Капризных Облаков**

«Автор»

2026

Светлова П.

Пудовиковы и Оранжерея Капризных Облаков / П. Светлова —
«Автор», 2026

Семья Пудовиковых отправляется в шотландский Хайленд за «плановым восстановлением ресурса» — то есть в обычный поход. Но горы не любят, когда путают имена, и погода здесь решает всё. Спасаясь от грозы, семья находит в горах маяк — за шестьдесят километров от моря. Внутри лестница уходит в небо, а по ней плывут комнатные облака, ссорится что-то огромное, и идёт мармеладный дождь. Наверху обнаруживается Небесная Оранжерея, где выращивают погоду: дожди, ветра, радуги и грозы. Сад болен, облака взбунтовались, а Главный Садовник пропал, оставив вместо себя инструкции и записку с умными словами. Вале и Максиму с четырьмя детьми предстоит разобраться, кто здесь главный, почему погода капризничает и какое отношение ко всему этому имеет их фамилия. Тёплая, смешная и очень уютная история о семье, хаосе и умении договариваться — даже с облаками.

© Светлова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Поход, гроза и неподходящий маяк	6
Глава 2. Небесная Оранжерея	8
Глава 3. Записка Главного Садовника	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Полина Светлова
Пудовиковы и Оранжерея
Капризных Облаков

Пудовиковы и Оранжерея Капризных Облаков

Глава 1. Поход, гроза и неподходящий маяк

В Шотландию семья поехала отдыхать. Честно-честно: без магических советов, без путевок, без телеграмм от говорящих котов. Максим сказал, что им всем требуется «плановое восстановление ресурса», Валя перевела это как «отпуск», и семья, вооружившись рюкзаками, палатками и дождевиками, отправилась в пеший поход по Хайленду — суровому и прекрасному горному краю, где, как говорят местные, погода меняется четыре раза за час и все четыре раза — неожиданно.

На кордоне рейнджера, где отмечали маршрут, пожилой шотландец в зелёной форме долго выводил в журнале их фамилию и наконец спросил, прищурившись:

— Русиан? Фамилию вписываю в журнал. Ударение, полагаю, на второй слог?

— На вторую «о», — подтвердила Валя. — Пудовико́вы. Мы, знаете, уже привыкли объяснять.

— О, — сказал рейнджер, аккуратно вписывая ударение прямо в журнал. — В горах имена надо записывать правильно. Горы не любят, когда путают. Хорошего пути. И помните: в Хайленде погода решает всё. Если гора говорит «нет» — не спорьте.

— Мы не спорим, — сказал Максим. — Мы ведём переговоры.

— Это не погода, это броуновское движение воздушных масс, — заявил Максим на втором часу пути, когда солнце, дождь, град и снова солнце сменили друг друга быстрее, чем он успел застегнуть и расстегнуть куртку. — В горах фронты сталкиваются, ничего сверхъестественного.

— Максик, — сказала Валя, выжимая дождевик, — вон та туча только что обошла нас по кругу. Против ветра. Дважды.

— Оптическая иллюзия, вызванная переувлажнением сетчатки.

— Пап, она ещё и показала нам язык, — добавила Люба.

— Дети, прекратите антропоморфизировать метеорологию!

К вечеру третьего дня Хайленд решил, что с туристов хватит. Небо над горами налилось чернильной синевой, вдали заворчал так, будто за хребтом просыпался великан, и ветер — внезапный, злой, горизонтальный — принялся сгонять с перевалов всё живое.

— Гроза, — коротко сказала Валя. — Экипаж, ищем укрытие. Немедленно.

Укрытие нашлось само — и укрытие это было невозможное.

Когда семья, подгоняемая первыми тяжёлыми каплями, обогнула скальный выступ, перед ней открылась небольшая горная долина — зелёная, круглая, будто кто-то аккуратно вырезал её из остального Хайленда ножницами. А посреди долины стоял маяк.

Маяк. В горах. За шестьдесят километров от ближайшего моря.

Белая башня с красной крышей, спиральная лестница снаружи, фонарная комната наверху — и фонарь в ней горел ровным тёплым светом, несмотря на то, что до темноты было ещё далеко.

— Ну вот, — выдохнул Максим, останавливаясь. — Морской маяк в горах. Валюша, я всегда говорил, что в Шотландии с географией не всё в порядке.

— Пап, маяки строят не у моря, — сказала Настя, глядя на башню и почему-то не доставая скетчбук. — Маяки строят там, где кто-то может заблудиться.

Дождь ударил как из ведра. Спорить было некогда, и семья побежала к башне.

Дверь маяка — тяжёлая, дубовая, с медным кольцом — открылась раньше, чем Валя до него дотронулась. Внутри оказалось сухо, тепло и пахло... Настя принялась первой и растерялась: пахло мокрой землёй после грозы, скошенной травой, снегом и — совсем слабо — почему-то апельсиновой цедрой.

— Странные духи у маяка, — сказала Люба.

— Это не духи, — тихо сказала Маруся. Она стояла посреди круглого холла, задрала голову.

Винтовая лестница внутри башни поднималась вверх — и не кончалась. Ступени уходили сквозь потолок, сквозь второй потолок, сквозь третий... и где-то очень высоко, в этой лестничной трубе, плыли облака. Настоящие, маленькие, комнатные облака. Одно из них, поравнявшись с детьми, чихнуло и посыпало их снежной крупой.

— Мам, — сказала Маруся. — Маяк растёт в небо. И наверху кто-то очень громко ссорится.

Из невидимой выси действительно донёсся гул — будто наверху, за облаками, ворочалось и ворчалось что-то огромное и недовольное. А следом за гулом через всю лестницу, кувыркаясь, пролетела... капля дождя. Только была она не водяная, а ярко-оранжевая, упругая, и, шлёпнувшись на пол у Любиных ног, подпрыгнула, зазвенела и покатилась.

Люба подняла её, понюхала и лизнула.

— Мармелад! — заорала она на весь маяк. — Мам, тут идёт дождь из мармелада!

Глава 2. Небесная Оранжерея

Наверх они поднимались долго.

Лестница маяка оказалась устроена хитро: каждые сто ступеней она выводила на площадку, а каждая площадка была дверью — и за каждой дверью было своё небо.

За первой дверью шёл обычный дождь — но капли висели в воздухе неподвижно, как бусины на невидимых нитках, и между ними можно было пройти, не намочнув. За второй мела метель, снег шёл снизу вверх, с земли в тучи, и Люба десять минут визжала от восторга, пока её не отморозили за нос. За третьей стояла жара, и по небу лениво катались шаровые молнии — лениво, как коты, и одна из них даже потёрлась о Мишин рюкзак.

— Это не маяк, — сказал Максим, тяжело дыша и опираясь о перила. — Это многоступенчатая климатическая установка вертикального типа. Валюша, мы идём внутрь атмосферного цеха.

— Мы идём туда, где нас уже ждут, — поправила Валя. — Не чувствуешь? Лестница подогревается под ногами. Кто-то включил нам тёплый пол.

Последняя дверь была стеклянная, во всю стену, и за ней был сад.

Небесная Оранжерея раскинулась под куполом такого размера, что в нём терялись настоящие, большие облака. Вдоль стеклянных стен тянулись грядки — но не земляные, а воздушные: густые, как перина, полосы тумана, в которых росли... растения? Стихии? Настя, у которой от восторга даже кисть в руке нагрелась, не могла подобрать слово.

Там росли дожди: стройные, как тростник, стебли, с которых непрерывно струились тонкие водяные нити. Там росли ветра — кусты, которые никогда не стояли на месте и всё время пересаживались. Там росли радуги: они вились по шпалерам, как розы, и некоторые

уже отцвели, оставив после себя бледные, едва розовые дуги. А в дальнем углу, за изгородью из кучевых облаков, росла гроза — тёмная, набухшая, её время от времени подрезал кто-то невидимый, и тогда от неё с треском отлетали лишние молнии.

Но сад был болен, и болезнь эта была видна отовсюду.

Дожди на грядках лили вкривь и вкось: один поливал сам себя, другой затопил дорожку, третий вообще моросил вверх. Ветра путались: встречаясь, два куста ветра сцеплялись и начинали яростно крутиться на месте, поднимая вихри. Радуги росли бледные, кривые, а некоторые завязывались узлом. Гроза в углу распухла вдвое против нормы и сердито рокотала, будто её давно не пропальвали.

И надо всем этим, на всех ярусах оранжереи, носились, толкались и вопили ОБЛАКА.

Десятки облаков — от крошечных кучерявых облачков с кулак до взрослых, грузных туч — металась между грядками, поливая всё подряд чем попало. Из одной тучи сыпался мармелад. Другая разбрасывала снег, который тут же таял, потому что третья туча рядом палила замороженными солнечными лучами, как сосульками-дротиками. Четвёртая рыдала крупным тёплым градом.

Посреди этого бедлама, на центральной клумбе, стояли две фигуры и пытались навести порядок.

Первая — высокая женщина, сотканная из утреннего тумана, в платье, которое всё время норовил развеяться. Вторая — мальчишка лет двенадцати, но состоящий, судя по всему, из свежего северного ветра: сквозь него было видно грядки.

— Борейка, младший подмастерье, — представила его Росинка. — У нас вместо сквозняка.

— Смирно! — кричала женщина облакам, и голос её был как шелест. — Я сказала, смирно! Полив по графику! Кто опять открыл мармеладный резервуар?!

— Это не я! Это Бу-у-уба! — завопили сразу пятнадцать облаков, тыча друг в друга.

— Я не Буба! — взвыла из угла маленькая, очень тёмная и очень тяжёлая на вид тучка, которая сидела прямо на земле, потому что летать не могла. — Это всё он виноват! Он нас бросил! Он улетел и оставил только... только записку с умными словами и инструкции! Кому нужны инструкции, когда Главный Садовник в отпуске!

— Так, — сказала Валя, выступая вперёд и включая командирский голос. — Отставить панику. Я мать четверых детей, я видала хаос и пострашнее. Представьте: кто главный и что случилось?

Туманная женщина обернулась — и лицо у неё оказалось красивое, усталое и совершенно отчаявшееся.

— Нимфа Росинка, старшая подмастерье Небесной Оранжереи, — представилась она. — А случилось, дорогие гости, катастрофа. Главный Садовник мистер Фён улетел в отпуск. Триста лет без отпуска, если вам интересно, — и вот, извольте: «Дорогие мои, я устал, я улетаю к тёплым морям, справляйтесь сами, инструкции в кладовой». Справляются тут... — она обвела рукой оранжерею, в которой в этот момент одна из туч поливала другую мармеладом. — Погода на земле, между прочим, отсюда растёт. Вся погода. Что мы тут вырастим — то у людей и идёт. И знаете, что у людей в Шотландии идёт четвертые сутки?

— Дождь из мармелада? — осторожно спросила Люба.

— Дождь из мармелада, — кивнула Росинка. — По всей долине. Дети счастливы. Пчелы в шоке. Дороги липкие. Ещё сутки такой погоды — и оранжерею закроет Метеорологическая Комиссия, а нас, подмастерьев, распустят по кучевым работам. Мы останемся без сада. Сад останется без нас. А мир — без погоды.

Глава 3. Записка Главного Садовника

Записка Главного Садовника

Инструкции обнаружили в кладовой — и инструкции эти повергли в шок даже Максима.

Кладовая была огромная, от пола до потолка уставленная стеллажами, и на каждом стеллаже стояли банки. В банках хранилась погода: «Гроза июльская, отборная», «Изморось осенняя, мелкая», «Буря альпийский, с ветром до сорока», «Роса утренняя, первый сорт»... Банки были подписаны аккуратным почерком и снабжены датами розлива.

А посреди кладовой, на мольберте, висел лист пергамента — та самая записка.

«Дорогие мои облака и подмастерья!

Пишу вам из поезда, который идёт к морю, и пишу с чистой совестью, потому что триста лет я честно выращивал для вас погоду, а вы честно её носили. Но, дорогие мои, я заметил тревожную вещь: вы перестали её понимать.

Облако, которое не знает, зачем оно льёт дождь, — льёт просто так. Ветер, который не слышал, кому он нужен, — дует куда попало. Я столько лет всё делал сам: сам слушал землю, сам решал, где дождь, где засуха, где гроза. Вы привыкли быть руками. А погода, дорогие мои, — не работа руками. Погода — это разговор. Неба с землёй. Садом с миром. Каждой капельки — с тем, кто её ждёт.

Я улетаю. Не потому, что устал. А потому, что если не уеду я — у вас никогда не получится научиться. Инструкции на стеллажах. Мармеладный резервуар НЕ ОТКРЫВАТЬ (это для новогоднего карнавала, я его сто лет готовил). Любите сад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.